

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ЮЛИЙ БОРОДЯНСКИЙ,

кандидат физико-математических наук

ЮРИЙ САЕНКО,

доктор экономических наук, заведующий отделом социальной экспертизы Института социологии НАНУ

Capitalis

Abstract

The subject of this article is the thesis about capitalis as an attributive figure that distinguishes human being from the animal kingdom. In Latin capitalis means the "head". It is assumed that the Spirit laid capitalis in a human being as the first principle, instinctus of material and spiritual expansion. The economic interpretation of capitalis known as capital is a particular aspect.

“Стремление познать сущность вещей дано человеку как бич наказующий”.

Царь Соломон

Вступление

Понятию “*capitalis*”, а точнее его русской транскрипции — *капитал*, еще десяток лет тому назад давалось, вне всякой критики, неоспоримое толкование из одноименного труда К.Маркса [1]. О его вечной абсолютной непогрешимости оповестил мир В.Ленин в 1920 году с трибуны Третьего Всероссийского съезда комсомола: “Учение Маркса всеильно, потому что оно верно”. Настоятельное назидание состояло в том, что капитал — переходящее “уродливое” явление. Его как не было в начальный период общественного развития, так не будет и в грядущем “светлом будущем”.

Но вот индустриальное общество плавно переходит в постиндустриальное, а последнее на наших глазах трансформируется в информационное.

Сгинул “развитой социализм”. Захлопнулись врата коммунистического “светлого Рая”. А капитал — “жив курилка” — и не собирается, как видно по всему, “помирать”.

И жить будет вечно. Ибо в нем сокрыта движущая сила человеческой цивилизации.

Узкоэкономическая трактовка капитала времен А.Смита и К.Маркса однобока. Она не охватывает всей глубины этого понятия.

Ф.Энгельс, иронизируя над “этимологическими фокусами” Л.Фейербаха и всех философствующих, писал: “Словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своего происхождения” [2].

Попытаемся избавить термин “*capitalis*” от “прокрустова ложа”, в которое его уложили “*путем исторического развития*”, и вернуть ему значение “*в силу его происхождения*”. Произошло оно еще в древности. И имело смысл, далекий от экономического характера, в который его втиснули впоследствии.

Примечательны последние десятилетия XX века. В *капитале* многие авторы стали раскрывать отдельные черты некоего глобального явления, отнюдь не экономического по сути. Именно так рассматривают они это ключевое звено отнюдь не экономической, а гносеологической природы.

Чтобы осознать глубинную сущность понятия “*capitalis*”, что по-латыни означает “*головной*”, зададимся извечным, почти риторическим вопросом: “Что принципиально выделяет человека из живого мира планеты?”

Полагаем, что capitalis — это головной базовый инстинкт человека, отличающий его от животного.

В понятие “*базовый инстинкт*” мы вкладываем более общий смысл, чем психофизиологическая трактовка инстинктов животных и человека, рассматривая в качестве исходного понятие *instinctus’a*, как побуждения в обобщенном понимании. Наиболее близко базовый инстинкт коррелирует с понятием *атрибутивных зон человеческой психики* в терминологии В.Зомбарта [3].

И *капитал* как экономическое понятие, и *capitalis* как головной инстинкт человека — понятия одной сущности. Экономическое понимание — ***лишь одна грань универсального явления***, частное проявление *capitalis’a*.

Формальный аппарат, к сожалению, неприменим к размытым социальным явлениям. Чрезвычайная сложность и “неформализуемость” гуманитарной среды вынуждают оперировать недостаточно строгими понятиями. Однако основные понятия будем стремиться по возможности однозначно определять в контексте статьи, а ключевые моменты фиксировать в виде ***утверждений***.

И.Кант предостерегал: “...рискованно высказывать перед публикой положение, противоречащее общему мнению, даже мнению разумных людей”. Однако осмелимся рискнуть и будем считать задачу выполненной, вызвав у читателей хоть искру сомнения: ***а так ли все очевидно в “вечных очевидных” истинах?***

Выражаем искреннюю благодарность главному научному сотруднику Института философии НАН Украины С.Крымскому и ответственному редактору журнала “Економічне прогнозування” Ю.Абаниной за глубокое, содержательное оппонирование рукописи.

1. Животный мир и человек

В теории эволюции Ч.Дарвина выстроена цепочка преобразований животного мира в биологическом пространстве, основанном на трех базовых инстинктах: оборонительном, половом и пищевом. В системе координат этих инстинктов человек не представляет собой ничего исключительного. Борется за жизнь, размножается и питается подобно собратьям-животным.

Однако история фиксирует отнюдь не биологическую эволюцию человечества, а эволюцию *социальную*. Одних биологических инстинктов недостаточно для объяснения “исключительности” человека с учетом его прорыва в мир социальный — мир, созданный исключительно его стараниями. Значит, существует некое исключительное своеобразие человека, не выводимое из базовой триады биологических инстинктов.

В противоположность религиозным догматам о сотворении волею Божьей нашего мира и человека наука не дает однозначного ответа на вопрос “откуда есть пошел” род человеческий.

Одна из научных теорий базируется на убеждении, что высокий уровень человеческого интеллекта и созданная им искусственная среда обитания — *наша цивилизация* — явились неизбежным результатом процесса выживания человечества в условиях агрессивной по отношению к нему окружающей среды.

Неужели хилость и незащищенность живого существа послужили побудительными факторами развития интеллекта и иных человеческих успехов вплоть до построения цивилизации?

Думаем, ошибочно полагать, что построение цивилизации — удел слабых и природонезащищенных. Ведь существа, еще слабее и незащищеннее человека, так и не сподвиглись на подобное. Или надо обладать *качественно* особым уровнем слабости и незащищенности?

Отметим ключевое. Хотя большинство животных создают элементы искусственной среды обитания — норы, гнезда и т.п., *ни одно животное не создает всеобъемлющей искусственной среды обитания — цивилизации*, как на то сподвигся человек.

Более того, *человечество строит и совершенствует ее, во-первых, безостановочно, часто не задумываясь, ради чего, а во-вторых, темпами, далеко не соизмеримыми с естественным процессом биологической эволюции.*

Существует принципиальное отличие человека от животных, пропасть, их разделяющую, невозможно перешагнуть эволюционно.

Формализовать эту “пропасть” не представляется возможным. Советский математик А.Ляпунов в 60-е годы прошлого столетия показал принципиальную неформализуемость подобных понятий. Например, любая формализация различий между такими понятиями, как *живое и неживое* или *растение и животное*, неполна и противоречива. Всегда найдутся объекты, которые по установленному формальному перечню свойств будут отнесены к одному классу, а согласно нашему неформальному опыту — “эмпирическим знаниям” (здравому смыслу), мы их отнесем к разным классам. И наоборот.

Тем самым мы обращаем внимание на ситуативное доминирование некоторого свойства в выделении класса объектов от остальных, на основании здравого смысла, эмпирического понимания, а не формальных процедур.

Невозможность применения формализованных процедур неизбежно порождает фетишизацию априори “назначенных” доминант.

Ф.Энгельс в качестве такой доминанты, отличающей человека от животных, постулировал *труд*, “сделавший” человека из обезьяны [4]. Следствием выбора такой доминанты явилось целенаправленное определение труда: “Труд начинается с изготовления орудий” [4, с. 139]. Такая привязка к процессу “изготовления орудий” не согласуется с традиционным словарным толкованием. Это принципиально, поскольку общепринятое понятие *труда* как *целесообразной деятельности человека, работы, требующей умственного и физического напряжения*, применимо и к животному, если слово “человек” заменить словом “животное”. У всех видов животных присутствуют проявления отдельных граней труда. Но ни у одного из них не прослеживается даже элементов процесса превращения в человека, за исключением аномальной “необычайно высокоразвитой породы человекообразных обезьян” [4] далекого прошлого.

То же самое касается *разума и духовности*.

По утверждению И.Канта, “для изображения *разумного* существа мы не можем найти другого подходящего облика, кроме облика человека” (курс. наш. — Ю.Б.; Ю.С.) [5, с. 471]. Однако при любом формальном определении *разума* всегда найдутся объекты в животном мире, для которых это определение будет справедливо.

Аналогичная ситуация с религиозным понятием *душа*, если мы только не будем придерживаться догмы: “*душа* — это то, что отличает человека от животного”, а попытаемся обосновывать наличие *души* у человека проявлениями, отсутствующими в мире животных.

Животным не откажешь в элементах обдуманного выбора действий, в элементах нравственного чувства. Неправда, что животные “не ведают, что творят”. Они руководствуются “своими” нормами *добра и зла*, порой совершая поступки и испытывая при этом эмоции, хотя бы в виде чувства мести или благодарности.

Приведенные рассуждения хотя и позволяют обозначить отличительные особенности человека, однако не дают ответа на поставленный вопрос.

Авторы, исходя из позиций дуализма, придерживаются точки зрения, что человеку предначертанием Духа отведена главенствующая роль в биологической среде Земли.

Некая особенность, выделяющая человека из животного мира, существует изначально, в виде данности, а не приобретена в ходе эволюции.

Каким же образом она проявляется?

В основе поведения всего живого на Земле лежат инстинкты, врожденные формы поведения, данные *извне (свыше)*.

Инстинкты — это базовые *атрибутивные* механизмы управления поведением и деятельностью живых существ со стороны Духа. Все они направлены на “понукание”, стимулирование выполнения своего предназначения. Они не зависят ни от “естественного отбора”, ни от эволюции. Эволюция лишь изменяет форму и уровень их реализации. Но суть и механизм их работы, как сама жизнь на Земле, заложены изначально извне. Богом — утверждает религия, природой — оппонирует наука.

Если бы особенность человека базировалась на общих вышеупомянутых биологических инстинктах, то каждый вид, по крайней мере высших

животных, имел бы наравне с человеком все основания и предпосылки для собственной цивилизации. Однако таких примеров нет. Даже у человекообразных приматов.

Наличие у человека некоего изначального, *не-эволюционного*, отличительного свойства в сопоставлении с остальным животным миром согласуется с выводом С.Капицы [6]. Оказывается, население Земли численностью своей популяции феноменально вырывается из общей для животного мира закономерности. Число особей в популяции каждого вида зависит от среднего веса тела особи соответствующего вида — чем больше средний вес особи, тем меньше численность популяции данного вида. Согласно этой *биологической зависимости*, нас “должно было быть” до обидного мало — только около 60 тыс. человек на всем земном шаре. Следовательно, нынешнее количество людей на Земле в сто тысяч раз превышает “расчетную” численность человеческой популяции. Показательно, что только для человека не действует эта глобальная биологическая закономерность. Значит, существует “*ничто*”, вырвавшее его из этого законоположенного ряда.

Далее С.Капица обосновывает такой прогноз: *население земного шара в ближайшие 50 лет достигнет своего апогея на уровне 10–12 млрд человек, стабилизируется, а затем пойдет на убыль.*

Это вызывает два вопроса, обойденные исследователем: какие причины вырвали человечество из колеи биологического регулирования численности популяции и что же заставит человечество вдруг остановить взрывную тенденцию роста своей численности?

Это еще один из примеров исключительности человека в биологическом мире Земли.

Любое живое существо, кроме человека, проживает свою жизнь в относительно стабильной среде (“львиная доля” изменений среды обитания животного мира лежит на совести человека!), где оно циклично удовлетворяет вышеупомянутые биопсихологические инстинкты.

Природа проявления биопсихологических инстинктов (коими человек не выделяется из животного мира) носит циклический замкнутый характер: потребность — поиск — потребление — удовлетворение при неизменной форме потребности.

Эта замкнутая, “законсервированная” цикличность лишает любой вид животного мира историчности. Под историчностью понимается креативный процесс изменения образа жизни вида.

Общественное и индивидуальное поведение и жизнедеятельность человека явно не укладываются в этот замкнутый цикл.

Человеку присущ разомкнутый “инстинктивный цикл”: потребность — поиск — потребление — удовлетворение до насыщения — изменение или формирование Новой Потребности ... и т.д.

Что же размыкает элементарный животный “инстинктивный цикл” и делает человека биологического человеком историческим? Суть разомкнутости в непереносимом, рано или поздно, изменении первоначальной потребности. Это размыкание навсегда — независимо от воли и разума человека.

Может, кроме “животных базовых” инстинктов в человеке заложен еще один? Потому что такой фундаментальной “непреодолимой” побудительной причиной может быть только “дополнительный” инстинкт. Только ин-

стинкты, или, следуя В. Зомбарту, атрибутивные зоны психики, стоят над волей и разумом и неизменны в своей сущности в процессе эволюции.

Утверждение 1. Человека характеризует присущий только ему “головной инстинкт” — *instinctus capitalis* — “побудитель” целенаправленной изменчивости и приумножения достигнутого, что разрывает цикличность “животной” схемы поведения и делает человека существом творческим, историческим.

Capitalis как головной инстинкт манипулирует человеком и обществом, в частности и через овеществленную форму в виде **капитала**. Поэтому и термин **капитал** следует понимать не как особую экономическую категорию, а как *материализованное воплощение одной из базовых категорий нашего Бытия* — ***instinctus capitalis* головной инстинкт человека**.

Предлагаемая трактовка “капитала — *capitalis*’а” частично адекватна понятию “хозяйственного духа” В.Зомбарта и в полной мере — понятию духа в понимании профессора С.Крымского: “Дух — это не субстанция, а состояние активности; это то, что происходит внутри деятельности под углом зрения трансформации состояния вещей в состояние идей и раскрытия состояния идей в состояние вещей. Дух характеризует самореализацию субъекта, его способность воспроизводить себя в предметном мире ... через творческую личность. Как единство процессов творческого опредмечивания и распределенного дух выступает в объективной и субъективной форме” [7, с. 47].

Г.Гегель и К.Маркс сопоставляли дух с трудом в смысле позитивной деятельности по “овеществлению в его результатах”, понимая дух как “силу негации”, то есть неугасимый толчок к развитию. С.Крымский подытоживает: “дух питает деятельность” [подр. см.: 7, с. 47–60].

Понимая дух как субстанцию реального мира, мы вводим понятие *capitalis*’а для обозначения этой ключевой категории человеческой жизнедеятельности.

Фетишизация труда в упомянутой работе Ф.Энгельса [4] и постулирование эволюционности пути превращения обезьяны в человека и, соответственно, “стада” — в “общество” оставили вне его поля зрения главное — создание человечеством цивилизации.

Согласно теории “трудового отрыва” некая “*необычайно высокоразвитая*” обезьяна вдруг ни с того ни с сего начала производить добавочный продукт, то есть “трудиться” в экономико-материалистическом смысле. Значит, “*что-то*” должно было побудить ее перейти к *качественно новому виду труда*. Ибо рутинный труд по добычанию еды себе и “своему роду” не мог “превратить обезьяну в человека”.

Не были эти “*необычайно высокоразвитые*” существа обезьянами. Это были качественно иные существа — *пралюди*. В отличие от животных, *пралюди*, пребывая уже в начале своего эволюционного пути в “равных стартовых условиях” с другими животными, но будучи *наделены инстинктом capitalis*’а, начали кардинально изменять условия жизни, строить **цивилизацию**.

Инстинкт *capitalis* побуждает человечество создавать “добавочный продукт” во всех сферах и видах деятельности ускоряющимися темпами, вплоть до экологической и техногенной катастрофы. А увидев “пропасть”, оно не останавливает “гонку”, нет (!!!), но ищет спасение в новой технологической эпохе — информационной. Вперед и только вперед! Только больше и быстрее! Цивилизацию и глобализацию безостановочно “гонит” *capitalis*.

Нет этого у обезьян. Не дано. Нет у них **инстинкта *capitalis*'а** — не наградил Господь. А посему призывы “зеленых” — “назад, в пещеры” — бессмысленны. Невозможно лишить человека данного ему Богом — “проклятый” инстинкт *capitalis* не позволит. Это наша “карма” — предначертание Духа. Ибо, напоминая, о чем поведал миру еще великий царь Соломон: “*Стремление познать сущность вещей дано человеку как бич наказующий*”.

Человечество создало (построило) цивилизацию не только и не столько для простого выживания, сколько для выполнения своего предначертания — быть высшим исполнителем процесса самопознания Духа на Земле.

Следовательно, только инстинкт *capitalis*, присущий в явном виде лишь человеку, “возводит” его на вершину живой пирамиды нашей планеты.

Это дает право поставить инстинкт *capitalis* головным, а все остальные рассматривать как подчиненные — обслуживающие. Он является движущей силой (точнее, проявлением движущей силы Духа) нашего познания в условиях объединенной совокупности людей — семьи, рода, социума, нации.

Capitalis порождает, по крайней мере, следующие проявления:

- обобществление индивида с целью расширения и усиления возможностей реализации потенций *capitalis*'а;
- самоприращение, самоувеличение за счет внутренних и внешних факторов;
- изменение качественных и количественных параметров объектов (систем), попадающих в сферу его влияния.

Видим аналогичные атрибуты *духа* у С.Крымского [7]:

- активность — “самотворческая деятельность на стыке бытия и сознания”;
- бесконечность — “преступление всех границ”, выход “из себя во все высшие ценностные сферы”;
- свобода как самодеятельность — “безграничность самовоссоздания”;
- абсолютность — самоценность, “самоопределение своих предикатов” как “источника всех форм превращения сущего”;
- самосознание — саморефлексирующее мышление на базе “самополагания смысла”.

Утверждение 2 (итоговое по разделу). Человек обладает еще одним (как минимум) инстинктом — *instinctus*'ом *capitalis*, реализуемым через абстрактный труд и овеществляемым, в частности, в капитале.

2. Капитал — эволюция понятия

Понятие “**капитал**” вместе со сменой общественных формаций совершило *диалектический виток эволюционной спирали*.

В древние времена в Греции, Риме, Египте суммарные богатства страны, клана или отдельного собственника не имели интегрального измерителя. В понятие “капитала” как эквивалента общественного влияния и власти вкладывался более общий смысл, нежели чисто экономический. В обиходе были такие его формы, как “кастовый капитал” (капитал происхождения), “капитал власти”, “военный капитал” и т.п.

Принято считать, что первую попытку научного толкования понятия *капитал* сделал Аристотель, понимая под *capitalis*’ом искусство обеспечивать достаток, или деятельность, направленную на накопление. Капитал рассматривался не как сугубо материальная категория, а как совокупность всех материальных и нематериальных ресурсов, находящихся в распоряжении человека и определяющих его социальный статус.

Итак, в ту, “доэкономическую” пору общественной эволюции появилось понятие *capitalis — головной*, как головной стимул социума к развитию, а в контексте деятельности конкретного индивида — стимул “внести свой вклад”, заняв “подобающее” место в обществе.

Capitalis — это универсальное выражение стремления человеческого сообщества и каждого индивида к изменениям, а значит — к эволюции.

Не биологическая эволюция создала *homo sapiens*, а инстинкт *capitalis*, вынудивший человека эволюционировать духовно и социально, вплоть до современных механизмов, формирующих судьбы мира.

С началом “мануфактурно-промышленного” периода, ростом промышленности и выходом на первый план производственных отношений экономическая составляющая капитала становится доминирующей и “затмевает” все остальные его грани, в том числе и проявление его сущности как “двигателя изменений”. Изучение *capitalis*’а сводится к анализу только его экономического аспекта — *капитала*.

“Классики политической экономии А.Смит и Д.Рикардо отождествляли капитал с накопленным трудом, запасом (машин, инструментов, сырья, одежды, еды, денег и др.) ... В выяснении сути капитала Смит и Рикардо совершили шаг назад по сравнению с Аристотелем” [8].

Все известные трактовки этого периода носят описательный, направленный на экономическое видение характер. Блестящий тому пример — классический труд К.Маркса “Капитал”, где дано *исчерпывающее описание капитала, относящееся к определенной формации, а точнее, общественно-экономической ситуации — начальной стадии развития капитализма*. Капитал описывается реалиями и формами его участия в различных общественных и производственных отношениях. Но не дано его четкого анализа, инвариантного по отношению к общественному строю, форме общественных отношений, экономико-историческому контексту.

В ход пошла сильная магия слов *капитал* и *капиталистическое общество*, капиталистический способ производства и т. д. Почти все словарно-энциклопедические толкования, отдав формальную дань его латинскому значению *capitalis — головной*, непременно связывают в сознании читателя “капитал” и “капитализм”, манипулируя различными языковыми “оттенками”.

На самом деле, любое производство товаров, услуг, знаний, технологий, духовных ценностей и пр. с точки зрения *capitalis*’а — *капиталистическое*, ибо его целью и следствием являются изменения ради расширения, углубления и накопления. И не только богатства и денег, как это прежде всего понимают экономисты.

Предрекая гибель “капитализма”, К.Маркс использовал модель экстраполяции современных ему структур производства и распределения. Пребывая в плену экономической парадигмы капитала, К.Маркс не мог предположить, что именно *capitalis* — этот инновационный движитель — сделает “крутой нелинейный” эволюционный поворот.

Экстраполяция тенденций более-менее правомочна и обладает прогностической силой в рамках сугубо стабильного периода “общественной технологии”. А при структурных изменениях, качественных скачках, когда определяющими становятся новые параметры и факты, экстраполяция теряет свою “прогностическую силу” и приводит к ошибочным выводам.

Ф.Хайек, анализируя общецивилизационную роль капитализма, констатировал: “Нет более пагубного мифа для дискредитации экономической системы, которой мы обязаны нашей цивилизацией, чем легенда о том, что условия жизни рабочего класса ухудшаются вследствие развития капитализма.

Капитализм создал пролетариат, он дал и продолжает давать ему жизнь... Капитализм создал рабочие места, дал возможность людям оторваться от земли и традиционных средств выживания... процесс роста более важен для большего числа бедных, чем для меньшего числа богатых... Капитализм ввел новый способ получения доходов, освобождающий людей от семейных и племенных форм зависимости...” [9, с. 101].

Капитализм привел человеческую цивилизацию не к гибели, а к новой технологической эпохе. Капитализм резко изменил структуру распределения, превратив “могильщика капитализма” — пролетариат — в “средний класс” как основу современного развитого общества. Структуры собственности, распределения и общественных отношений *capitalis* перевел в новые координаты постиндустриальной общественной технологии, которые “разэкономизировали” не только общественные науки (отношения), но и саму экономику. Ее основной производительной силой стали знания и информация. “Экономика ресурсов” превратилась в “экономику знаний”.

Кардинальные изменения в общественных отношениях в конце XX века привели к тому, что западная наука и практика стали оперировать такими понятиями, как “человеческий капитал” (с множеством его граней-оттенков: знания, традиции, привычки, энергия людей), “политический капитал”, “интеллектуальный капитал”, “духовный капитал”, “информационный капитал” и т. п. Даже такие “экзотические”, на первый взгляд, составляющие, как “паблицитный капитал” — совокупность нематериальных субстанций типа: репутация, позитивное общественное мнение, престиж, привлекательность имиджа, позитивность паблисити и пр. Все это перекликается с “*благородством происхождения*” — “кастовым капиталом” из прошлых веков.

Однако такая структуризация капитала не раскрывает его основного смысла, как *головного*. Это признавали задолго до зарождения капиталистической формации, еще при Аристотеле, давшем одно из наиболее четких определений главного свойства капитала — *свойства накопления* в любой сфере человеческой жизнедеятельности, отнюдь не только экономической.

Отход от сугубо экономического взгляда наступил в конце XX столетия. Еще в 1973 году, в “советской науке” при определении капитала получил “права гражданства” термин “самовозрастает” [10].

Вслед за этим в 1987 году появился термин “самовозрастающая стоимость” [11]. А в 1994 году в “Современном словаре иностранных слов” дается определение, коренным образом отличное от ранее бытовавших формулировок: “*Капитал* [фр., англ. *capital* < лат. *capitalis* — главный] — 1) богатство (ценные бумаги, денежные средства, материальное имущество), используемое для его собственного увеличения”; 2) в марксистской политической экономии — стоимость, которая посредством эксплуатации наемной

рабочей силы приносит прибавочную стоимость, *самовозрастает*” (курс наш. — Ю.Б., Ю.С.) [12].

В цитированной выше “Економічній енциклопедії” выдвинуто несколько интересных тезисов относительно многоаспектности понятия “капитал”, согласно которым его “конкретные виды и формы имеют свои специфические качества, свойства, благодаря которым они обособляются, развиваются по своим собственным законам” [8]. Таким образом официально закрепляется понимание того, что капитал имеет разные формы проявления — не только экономическую.

Если вычленить “общий знаменатель” из известных, ставших хрестоматийными, определений (описаний) *сущности капитала* (А.Смит, Д.Рикардо, К.Маркс), то придем к Аристотелевому: *сущность капитала — в его свойстве непрерывно увеличиваться, возрастать* и подчинять этой сущности “все и вся”.

Неоценимая заслуга экономистов состоит в том, что они выделили этот “процесс самовозрастания” и подвергли всестороннему, правда, в известной степени, ситуативному, “общественно-формационному” анализу.

Однако экономические науки ограничили понятие “капитал”, изучая в историческом контексте исключительно его экономическую составляющую и тем самым упуская, а порой и исключая *универсальную вневременную суть капитала*. Исторический, классовый и социальный подход к оценке труда, прибавочной стоимости и классов — “кто кого эксплуатирует”, присваивает чужой труд — неизбежно оставляет за рамками анализа *кардинальный факт — человечество в целом создает больше, чем потребляет, чем ему нужно для расширенного воспроизводства. И главное — человечество не в состоянии остановить этот процесс “ненасытности”*.

Возрастающее потребление, сущность силы, раскручивающей этот “маховик”, необъяснима в “экономических рамках”. Человечество как энергетически (производственно) замкнутое, “натуральное” сообщество всегда хочет большего, чем имеет. И производит больше, чем ему надо. Не только в материальной, но и в духовной сфере. Наряду с материальным обеспечением постоянно расширяется и духовное самоосмысление.

Конечно, в духовной или информационной составляющей капитала невозможно “взвесить” количество знаний или “духовной энергии”. Хотя и не счесть попыток всевозможными индексами охватить “невывчисляемое”. Но непрерывное возрастание объема знаний человечества бесспорно. Следовательно, во всех сферах жизнедеятельности *человечество обеспечивает условия* (готовит платформу) *для ускоренного расширенного воспроизводства и тем самым обеспечивает предпосылки для ускоренного роста капитала во всех его формах*.

В начальный период своей истории человечество “проедало” все то материальное, что могло произвести. Практически не существовало накопления, то есть *материального капитала*. Но уже с глубокой древности создавалось “не проедаемое” — *духовный капитал*, который капиталом не именовался вплоть до наших дней. Нечто подобное можем наблюдать в племенах, находившихся до недавнего времени в “изоляции” — в центральной Африке или Амазонии Южной Америки.

Творческий капитал порой не приносит его создателю не только материальных, но и моральных, социальных дивидендов, а зачастую одни убытки либо преследования, вплоть до уничтожения. Какие стимулы движут такими творческими “трудящимися”? Какие цели преследуют работодатели, заказывая подобный “товар”?

Понимание подобного социального поведения особенно актуализировалось в XX веке с триумфом творческого, интеллектуального капитала. Экономика ресурсов превращается в экономику знаний. Знания, интеллект стали ведущей, определяющей силой жизнедеятельности. “Базис” и “надстройка” поменялись местами. Сознание осознало данность. Р.Аваков назвал духовную культуру народа “развитиеобразующим фактором” [13].

Все изменения в общественной жизни людей начинаются с изменений в общественном сознании, в сознании отдельных индивидов: с изменения смыслов. Общественное сознание, будучи системой чувственных и мыслимых представлений и образов, формирует систему ценностей и норм, придает практике жизнедеятельности сообщества людей целенаправленность в их повседневной жизни, а также в ее изменениях. В этом контексте В.Щетинин [14], говоря о человеческом капитале, как о социально-экономическом понятии, совершает принципиальный шаг от экономического прагматизма в иррациональную сферу нашего бытия.

Однако некоторые теоретики, решительно шагнув, тут же возвращаются “в наезженную колею” правоверной экономической теории. Например, Дж.Коулман утверждает, что все моменты, связанные с *социальным капиталом*, не выводят за пределы “экономических принципов рационального поведения” [15].

Но диалектическая спираль неумолима. Сквозь экономическую “изгородь” вновь прорывается “древнее” понимание сущности понятия *капитал* — *capitalis*. Так диалектический виток в эволюции этого понятия снова вернул нас в русло первоисточков мудрых.

3. Капитал как *capitalis*

Итак, суть проявления инстинкта *capitalis* в самом общем виде состоит в том, что человек не только потребляет, как любое животное, ресурсы природы, но и создает среду, не имеющую места в природе. Это процесс увеличения информационно-энергетического потенциала человечества (цивилизации), по сути противоположный росту физической энтропии, присущему материи.

Человечество характеризует неуклонное расширенное воспроизводство.

“Экстенсивное расширенное воспроизводство” в животном мире гарантирует сохранение вида, соответственно увеличивая потребление все тех же ресурсов окружающей среды. У человека же расширенное воспроизводство движимо головным созидательным инстинктом — *capitalis*’ом, который реализуется через *абстрактный труд* для *расширенного воспроизводства элементов цивилизации*.

Что же является “меркой”, универсальным критерием уровня развития цивилизации?

Эта мера должна иметь некий “общий знаменатель” — общий сравнимый показатель, применимый, в том числе, для сопоставления членов сооб-

щества между собой. Такой показатель должен оценивать на единой шкале ценностей (единой ценностной базе) общий уровень человеческого развития по всем граням, по всем видам деятельности человека. Следует ожидать, что такой функционал приведения к единой основе может иметь временной, исторический характер, будучи зависим от этапа развития человеческого сообщества на пути познания.

Г.Идлис предлагает рассматривать (точнее, постулирует) в качестве универсального критерия развития процесса развития цивилизации рост энергопотребления: “Любое развитие цивилизации, даже не технологическое, а чисто интеллектуальное, в плане развития действительности или самопознания, в конце концов упирается в необходимость систематического увеличения материальных и энергетических ресурсов” [16, с. 211]. При этом подчеркнем, что рост, связанный не только и не столько с увеличением численности людей, сколько с ростом технологического энергопотребления — “*наше энергопотребление постоянно увеличивается, опережая естественный рост народонаселения*” (курс. наш. — Ю.Б., Ю.С.) [16, с. 212].

Информационно-энергетический потенциал человечество наращивает (во всяком случае в начальный период своей истории вплоть до окончания индустриальной эпохи) за счет потребления энергетических ресурсов своей планеты (имеется в виду *физическая энергетика*). В дальнейшем развитии по этому пути человечество, из-за ограниченности ресурсов, вынуждено будет прибегнуть к вземным, космическим источникам физической энергии [16]. Первые шаги в этом направлении мы уже наблюдаем.

Разделяя позиции Г.Идлиса в отождествлении технологического прогресса с ростом потребления *физической энергии*, мы не решаемся быть столь категоричными, ставя “знак равенства” между интеллектуальными процессами самопознания и потоками информации. Нельзя исключать возможности выхода человечества на использование не только физической энергетике. Возможно, именно *capitalis*, *выполняя свое предназначение*, выведет человечество на использование иных, неведомых доселе источников энергии.

Если допустить возможность потребления нефизической энергии трансцендентальной (виртуальной, иррациональной) природы, то сразу возникает вопрос о едином “эквиваленте”: эквиваленте измерения интеллектуальной энергии созидающего творца — художника, писателя, ученого; эквиваленте измерения энергии социума как обобщенного проявления движущей силы цивилизации.

Авторам видится объективная необходимость такого показателя. Более того, поскольку действие инстинктов как побудительной причины заложено в подсознании, то для их “сознательной реализации” необходима осознаваемая форма проявления, своего рода осязаемая о вещественная “морковка”, желанная, но практически недостижимая. Инстинкт *capitalis* в этом смысле не исключение. Такой показатель для *capitalis*’а, его осязаемый фетиш был “изобретен” еще в начальный период нашей истории. Правится нам это или нет, но таким эквивалентом суть *деньги*.

Все, что не укладывается на “весы этого бесовского тельца”, в конечном счете не учитывается “зарационализированным” сознанием и декларируемой (практикуемой) им “эффективной целесообразностью”.

С момента их возникновения деньги имеют двойственное значение. С одной стороны, это средство для получения их владельцем “благ” для своего

существования, а с другой — показатель “значимости” в сообществе. И если в первом смысле потребности в денежном измерении имеют определенные пределы, то стремление к деньгам как мерилу “общественной значимости” *безгранично!*

Нельзя путать “деньги для существования” с “деньгами как капиталом”, то есть показателем уровня проявления инстинкта *capitalis*.

Признание информационной (духовной, нематериальной) составляющей капитала как полноправной его части, постепенно занимающей главенствующую позицию, *является самым сильным доводом в пользу гипотезы, что capitalis и есть универсальный побудительный движитель реализации предначертания человечества в нашей части Вселенной.*

Чтобы понять все процессы, связанные с категорией **капитал**, во всем многообразии и единстве, капитал необходимо рассматривать не как **экономическую** категорию, а как **философскую**.

Необходимо высвободить его из того самого “прокрустова ложа” экономической интерпретации. Он является **головным** по отношению к жизни социума, независимо от времени и укладов.

Утверждение 3. Процесс возрастания общечеловеческого суммарно-го капитала и есть процесс прогресса нашей цивилизации.

По меткому выражению цитированного ранее С.Крымского, “капитал — своего рода экономико-энергетический потенциал, характеризующий уровень цивилизации”.

Процесс возрастания капитала в таком понимании идет путями величайших созиданий и ужасающих преступлений. По своей “популярности” и вниманию к нему со стороны человечества “инстинкт капитала” сравним лишь с “половым инстинктом” — как два лейтмотива всех произведений искусства, если исключить религиозные сюжеты. Ведь речь идет не просто о “жизни и смерти”, а борьбе за *средства существования* — за обладание необходимым капиталом, в любой его форме — в виде идей, ценностей, любви, власти, территории, ресурсов...

Коль скоро наличествует процесс, то должен существовать механизм его реализации, достижения его целей. Такой механизм давно описан для экономической составляющей капитала — это **эксплуатация**.

Словарное толкование *эксплуатации* (фр. exploitation) в обобщенном виде — это *использование и присвоение* чего-либо: природных ресурсов, технологий, технопарка, знаний и опыта, продуктов чужого труда и даже самих людей, создающих этот продукт (различные формы рабства) и т.п. Ради чего? Ради выживания, обогащения, приумножения общественного потенциала.

Какого обогащения и приумножения — материального или духовного, общественного или личного? Это разные “стороны одной медали” — без одного не бывает другого.

С одной стороны, общественное обогащение не бывает без обогащения личного, что с упорством отрицали марксисты-коммунисты. Ведь общество — это прежде всего и всегда (!) объединение личностей. Правда, не “виртуальное” объединение, когда все мое есть общественное и все общественное — мое. В духе такого примитива “научно-диалектически” обосновывались закономерность, справедливость и неизбежность коммунистического общества — “высшего наследника” принципов “справедливого” родового строя: “Мой труд вливается в труд моей республики!” (В.Маяковский). На самом деле

там, где провозглашается всеобщая всенародная собственность на капитал, народу в действительности ничего не принадлежит. А настоящие собственники “народного” скрываются под бесовской маской “бессребреников — слуг народа”, как, например, особый клан “партноменклатуры” в бывшем СССР.

С другой стороны, личное обогащение невозможно без роста общественного потенциала. Даже в условиях “самого звериного капитализма” любое сугубо личное обогащение неизбежно ведет к приумножению общественного потенциала.

И последний момент. Общественное обогащение невозможно без эксплуатации, то есть без использования или присвоения чего-либо.

Жизнь отдельного человека, общества и человечества в целом невозможна без эксплуатации людей, ресурсов, природы, машин, сооружений, идей и т.п. В конце концов, самое себя.

Эксплуатация является одной из ключевых особенностей общественных отношений.

Главным эксплуататором человечества посредством капитала является Дух, и этот процесс будет продолжаться, пока существует человечество. Преходящей может быть лишь его форма. Эксплуатация человека человеком — лишь частное его проявление.

Утверждение 4 (главное в нашем анализе утверждение). ***Capitalis — это проявление внешней побудительной причины развития самопознания Духа, данной нам в виде инстинкта абстрактного труда, побуждающего создавать больше, чем потреблять.***

Узкоэкономическое понимание капитала приучило нас к мысли, что капитал имеет своего хозяина (владельца) — предпринимателя, фирму или государство. На самом деле все наоборот. ***Capitalis по отношению к человечеству и отдельному человеку является хозяином его судьбы.***

Да, капитал “выбирает” эффективного распорядителя. Капитал не должен уменьшаться, чтобы не исчезнуть. Он все время ищет того, кто его приумножает.

То же самое происходит и с сугубо экономическим капиталом. Идет постоянное перераспределение капитала между исполнителями, кажущимися владельцами, а на самом деле остающимися временными распорядителями. Задача их — приумножить его. А если так называемый владелец капитала этого не обеспечивает, то всегда находятся “механизмы” его замены — вплоть до физического уничтожения. Именно в этом истинная причина краха Страны Советов — ее “закостенелая” система оказалась неконкурентоспособным “управленцем” подконтрольных капиталов на новом технологическом этапе развития человеческого общества.

Любая деятельность человека всегда капиталистическая, в широком понимании капитала. Капитализм, дабы не погибнуть на определенном этапе, превратил армию своих “гробовщиков” — пролетариев — в распорядителей, пусть небольшой, части капитала, включив их в новый виток процесса перераспределения капитала и его дальнейшего роста. Именно такой процесс — к сожалению, болезненно и “дико” — происходит в постсоветском пространстве. Капитал ищет новых эффективных распорядителей.

4. Энергия социума

Понятием *энергия* обозначается общая мера всех форм движения Материи и Духа. *Энергия*, согласно общепринятому толкованию, — это “*действенная сила, настойчивость, решительность в достижении поставленной цели*”. Следовательно, допускается существование энергии особого рода. И социальной энергии в том числе. А работа — это “*превращение одного вида энергии в другой*”, “*занятие, труд, деятельность*”.

Понятие “*социум*” означает человеческую общность (семья, племя, нация). Социум, общество — это социальная система (Кант, Шеллинг, Гегель, Парсонс). В этой системе целое главенствует над ее частями, элементами и связями между ними (прямыми и обратными). Но это статическое определение. На самом деле социальная система постоянно пребывает в динамике социальных изменений. Между элементами и частями системы, как и между системой и окружающей средой, происходят взаимодействия — универсальные фундаментальные процессы жизнедеятельности: производство, распределение, обмен и потребление энергии.

Активная изменчивость социальной системы и ее отношений со средой — это работа, выполняемая за счет энергии особого рода — *социальной энергии*.

Понятие *социальной энергии* (как и любого вида энергии) следует из диалектического понимания действительности — ее порождают противоречия между полюсными противоположностями в целостности социальной системы и в процессах ее изменений, усложнения, развития. Лучший термин — *эволюция* как некая цепь (последовательность) изменений. Хуже термин *трансформация*, ибо он предполагает четкое определение “от чего — во что”.

Энергия социума означает совокупную, интегральную энергию, в том числе и социальную, используемую человеческим сообществом для поддержания достигнутых условий выживания и их изменения в лучшем, по мнению сообщества, направлении.

Социальную энергию, в частности, порождает *социальное напряжение*, возникающее между “полюсами социальных интересов”, провоцирующими социальные изменения. Как в “советской”, так и в “западной” социологии практически во всех социологических “школах” и теориях под социальным напряжением принято понимать нечто негативное — общественно затруднительную, нестабильную, конфликтную ситуацию. На самом деле это любая социальная дихотомия: “стабильность–нестабильность”, “равновесие–неравновесие” и т.п. *Социальное напряжение* выступает как *движитель некоего объективного процесса в обществе, приводящего к социальным изменениям*. Следовательно, это не только дестабилизирующий фактор. Это фактор любых изменений — как негативных, так и позитивных.

Для адекватной оценки протекающих в обществе процессов, особенно относительно его будущей энергетике, необходимо правильно оценивать природу социального напряжения — фактора, определяющего динамику социальных изменений. Зачастую смысл, источник и сила этого фактора *не связаны непосредственно с энергетикой социума*. В слабоэнергетическом обществе может самоорганизовываться сильное социальное напряжение. И наоборот. Это особый случай, требующий специального рассмотрения.

Аналогичная ситуация имеет место в физических процессах, когда факторы, “задающие темпы” их изменений, не зависят от энергии самих процес-

сов. Четверть века назад на это обратил внимание украинский математик Николай Чаус, высказавший гипотезу: *“Природа устроена так, что существует инвариант, подобный энергии и не зависящий от нее”* [подр. см.: 17].

Для нас совершенно очевидно, что социум, обладающий “небольшой социальной энергией”, но имеющий значительную устойчивую динамику роста (чем не производная от “функционала” социальной энергии?), имеет лучшие перспективы, чем энергетически “сытое” сообщество, но демонстрирующее падение темпов роста или “топчущееся на месте”.

Социальные изменения происходят под интегративным воздействием всех видов энергии общества — материальной, интеллектуальной, духовной, социальной, в том числе.

Все социальные науки, от истории (апостериорной, диахронной) до политологии и социологии (синхронных происходящему), изучают только *проявления и последствия* действия *социальной энергии*. И ни одна из социальных наук не интересуется *природой, источниками, производством и потреблением, обменом и распределением социальной энергии*. Тем не менее несть числа тем исследованиям, в которых фигурируют те или иные социальные “силы”.

Еще в XVI веке Н.Коперник, интересы которого простирались от астрономии до экономики, написал трактат о причинах упадка государств, где среди прочих причин указал *“общественный раздор”* (в современной терминологии — *социальную напряженность*). Ясно, что К.Маркс и Ф.Энгельс в “Манифесте коммунистической партии” [18], говоря о *силах старой Европы*, объединившихся *против призрака коммунизма*, который “бродит по Европе”, имели в виду социальные силы, энергию социума. Украинский мыслитель начала XX века О.Бочковский полагал, что формирование современной нации невозможно без национального сознания и *национальной воли* [19]. Т. Парсонс оперирует понятиями “социальное действие”, “воздействие на систему”, “усилия социальной системы” [20].

Цитирование можно продолжить. Однако несомненно, что в этих и подобных им высказываниях речь идет о *социальной энергии*, которая обозначается различными словами.

Специфичность *социальной энергии* заключается в ее интегративном, общесистемном характере. *Духовная энергия* присуща преимущественно отдельному индивиду. Сложнее с духовной энергией сообщества. Иногда духовное развитие индивидов в сумме своей способно утратить всякие признаки духовности, как это происходит в случае толпы. ***Социальная энергия, наоборот, всегда превышает простую сумму энергий индивидов социума. То есть общность индивидов порождает дополнительную качественно новую социальную энергию.***

Более того, социальная энергия обладает сильным *синергетическим свойством самообразования и самоорганизации*.

Этот социальный интегральный результат, с одной стороны, порождается сообществом индивидов, а с другой — далеко не всегда совпадает с их устремлениями и желаниями, выводя или ввергая их в новое, порой неведомое, неожиданное пространство действий и последствий.

Социальная энергия, несомненно, является движущей общественной силой. Что же тогда порождает эту силу?

Индийская традиционная философия все явления во Вселенной рассматривает в поле воздействия *Всепроникающей Божественной энергии*.

Индийская древняя культура говорит об остаточной энергии *кундалини* — врожденной силе, которая побуждает людей к восхождению, к поиску нового, неведомого, более высокого, обеспечивая условия *самореализации*.

По мнению С.Крымского, *движущей общественной силой* является стремление человека к истине: “Человек — единственное существо, которое имеет абсолютную потребность в истине, в каких бы иллюзорных формах эта потребность ни осуществлялась...”

Истина всегда была наибольшим возбуждающим, “мутагенным” фактором человеческой истории, лозунгом, под которым происходили радикальные сдвиги исторического процесса, восстания, реформы, революции. *Какая-то неизъяснимая сила* (курс. наш. — Ю.Б., Ю.С.) подводила... людей под, пусть иллюзорный, но непременно привлекательный идеал истины” [7, с. 48].

Известная украинская поэтесса Л.Костенко образно, как и подобает поэту, называет эту общественную силу социума божественным ветром: “*Однак не був же якийсь божественний вітер, що кидав покоління за поколінням на боротьбу саме за цей народ...*” [21, с. 10].

Эти и многие другие размышления удивительно созвучны с изречением царя Соломона. “Бичом наказующим”, порождающим социальную энергию, безусловно, является *capitalis* — инстинкт саморазвития, саморасширения, самопознания — неуклонного эволюционирования. Именно он порождает побудительные причины эволюции человечества. *Стремление ускоряться темпами видоизменять цивилизацию и социальная энергия* имеют “общие корни”. Глобальный процесс проявления инстинкта *capitalis*’а в социальной сфере.

Утверждение 5. Социальная энергия, как и любая другая, образуется в результате распада целостностей: *capitalis* расщепляет все структуры социальных ценностей, отношений, традиций, норм, правил и т.д.

Распад социальных целостностей порождает *социальные напряжения*, разрешающиеся *социальными изменениями*. Социальные изменения формируют новые целостности новой социальной реальности — новое социальное пространство. Таким образом *capitalis* провоцирует непрерывную циркуляцию социальной энергии.

Общества, которые “застывают”, “консервируются”, а следовательно, снижают социальную энергию, рано или поздно подвергаются влиянию (“ударам”) со стороны энергоизбыточных сообществ. Советский Союз, застывший в модели “развитого социализма”, был обречен на гибель в окружении динамично эволюционирующего мира.

Но энергоизбыточные сообщества также “подпитывают”, “подзаряжают” социальной энергией “застывших”. Например, страны Европейского Союза являются своеобразными социальными “донорами” относительно будущих членов ЕС.

Вместе с тем социальная энергия *глобализации* способна разрушать политические, социально-экономические и социально-культурные целостности более слабых стран, насаждая унификацию и однообразие, нивелируя местные традиции, устои, ориентации и интересы. Но в то же время существующие культуры, черпая социальную энергию из других культур, постоянно изменяются, “расколдовывают” (глубже постигают) системы собственных смыслов, обновляя их и “осовременивая”.

Социальная энергия глобализации и возникающее социальное напряжение между сообществами непосредственно провоцируют напряженность и динамику движения транснационального капитала.

Процесс глобализации позволяет говорить об **энергии** общечеловеческого, **глобального социума**, включающей в качестве своих составляющих социальную энергию глобализации, движение транснационального капитала, общечеловеческую культуру, общее информационное пространство и т.д.

Энергия глобального социума порождает не только социальное глобальное напряжение, но и новые формы эксплуатации. Транснациональная система эксплуатации подминает под себя целые народы и континенты. Укротить и заставить работать на локальные социумы эту глобальную мощь способны только эластичные формы собственной социальной энергии.

В энергии социума (в том числе глобального), в частности социальной энергии, довольно зримо проявляется образ “гения” нашего “прогресса” — *capitalis*’а, четвертого инстинкта человеческой природы.

Утверждение 6. Энергия социума, в том числе глобального, — это интегральная мера проявления *capitalis*’а в условиях любого сообщества как в материально-экономических, духовно-гносеологических формах, так и в социально-культурологических.

5. Заключение

История эволюции форм и видов человеческих сообществ накопила множество фактов и феноменов, необъяснимых на основании присущих человеку базовых “животных” инстинктов.

Социумы постоянно пребывают в неравновесном состоянии. Тогда как у всех видов животных биологические инстинкты навечно закрепили для каждого вида нерушимые структуры сообществ, во всяком случае, в сопоставлении со скоростью изменений человеческих сообществ.

Перед авторами встал вопрос о причине неустойчивости-изменчивости человеческого сообщества, пребывающего в постоянных поисках “чего-то иного”, доселе неведомого. Поэтому мы выдвинули предположение, что “нечто” такое же фундаментальное, “первоосновное”, как и базовые инстинкты, побуждает человека к постоянным поискам нового, а латинские первопонятия “*capitalis*” и “*instinctus*” подсказали идею четвертого, дополнительного “головного инстинкта”.

Авторы отдают себе отчет в принципиальной методологической уязвимости предлагаемого подхода, сопряженного с включением в цепь рассуждений “иррационального” происхождения феномена капитала.

Однако признание изначального наличия у человека дополнительного базового инстинкта не является чем-то “еретичным”. Ведь факт “изначальной данности” базисных биологических инстинктов ни в коей мере не умаляет научные позиции биологии и не уменьшает глубину и важность стоящих проблем.

Конечно, наши рассуждения были бы убедительнее (и для нас самих), если бы удалось “подкрепить” их формализованными методами. Но такова уж природа гуманитарной области. Выражаем надежду, что наши рассуждения заинтересуют “любопытствующих”.

Литература

1. *Маркс К.* Капитал : В 3-х т. — М., 1983.
2. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — М., 1952.
3. *Зомбарт В.* Этюды по истории духовного развития современного экономическо-го человека. — М., 1994.
4. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — М., 1948. — С. 134–146.
5. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. — СПб., 1999.
6. *Капица С.* Население Земли и предвидимое будущее цивилизации // Социоло-гические исследования. — 2003. — № 1. — С. 7–15.
7. *Кримський С.* Запити філософських смислів. — К., 2003.
8. *Мочерний С.* Капітал // Економічна енциклопедія. — К., 2000. — Т.1. — С. 719–721.
9. *Хайек Ф.* Познание, конкуренция и свобода. — СПб., 1999.
10. *Економічний словник.* — К., 1973.
11. *Краткий политический словарь.* — М., 1987.
12. *Современный словарь иностранных слов.* — СПб., 1994.
13. *Аваков Р.* Духовно-культурная доминанта развития // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 12. — С. 79–84.
14. *Щетинин В.* Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Миро-вая экономика и международные отношения. — 2000. — № 12. — С. 42–49.
15. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и со-временность. — 2001. — № 3. — С.126–135.
16. *Идлис Г.М.* Закономерности развития космических цивилизаций // Проблемы поиска внеземных цивилизаций. — 1981. — С. 210–224.
17. *Чаус Н.Н.* Об одном возможном наборе физических инвариантов. — К.,1979.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. — М., 1956.
19. *Бочковський О.* Вступ до націоналогії. — К., 1998.
20. *Парсонс Т.* О социальных ситемах. — М., 2002.
21. *Костенко Л.* Гуманітарна аура нації. — К., 1999.